

С.Н. Абдуллаев

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.07

УДК 811.512.132

Гипермодальная нагрузка концепта *муң* в уйгурской лингвокультуре

В статье на материале уйгурского языка выводится понятие гипермодальности. Автор выдвигает положение о том, что все средства выражения модального поля в современном уйгурском языке ориентированы на экспликацию гипермодальности надфразового уровня. В центре этой сложившейся системы лексических и грамматических факторов находятся модальные модификации простого предложения, в которых коренной перестройке подвергается предикативный узел коммуникативных единиц. В периферии рассматриваемой системы располагаются лексические средства – модальные слова и частицы. Мегакультурной нагрузкой в аспекте текстовой модальности в современном уйгурском языке отличается специфический концепт *муң* – «светлая грусть, тоска». Эта лексема относится к числу непереводаемых лексических единиц. Выражение данного концепта на текстовом уровне является индикатором реальной художественности текста. При этом образ автора превращается в отдельный образ для реципиента текстовой информации. В текстах художественных произведений модальность часто проступает через релятивные отрезки повествования. Авторское субъективно-оценочное отношение дает представление о мироощущении писателя; поэтому текстовая модальность чаще всего находит себе место именно в релятивных отрезках. Концепт *муң* соприкасается с культурным кодом уйгурского народа.

Ключевые слова: текст, модальность, концепт *муң*, гипермодальность, художественность, модальное поле, образ автора, реципиент, безэквивалентная лексика

Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради общения их читателю. Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение. По мнению В.В. Виноградова, личностное отношение автора воспринимается как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур ...» [Виноградов, 1971, с. 118].

По словам Н.С. Валгиной, модальность является важнейшим элементом текстообразования и текстовосприятия, который соединяет все единицы текста в нечто единое целое по смыслу и структуре [Валгина, 2003, с. 96–104]. Так, в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате взаимодействия и синтеза которых возникает модальный смысл текста. На данном этапе внимание к тексту является одним из приоритетных направлений в уйгуроведении [Строй ..., 1976, с. 50–64].

Модальность относится к текстообразующим категориям, наряду с персональностью, темпоральностью и локальностью, и обладает «своим собственным текстовым ключом» [Бондарко, 1976, с. 50–64].

В связи со сказанным о трансляции категории модальности на уровень текста интересно рассмотреть рассуждения Дж. Джусаева на материале киргизского языка. Он пишет: «В самом деле, говорящее лицо является главной, центральной фигурой в определении семантического содержания предложения по модальности в плане его реальности, ирреальности, предположительности, долженствования и т.д. соответственно создавшейся ситуации речи в момент порождения предложения. А ситуация речи создается в соответствии с коммуникативной целеустановкой, по обстановке объективной действительности. Далее, соответственно заданной установке определяется точка зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику или к выражаемой в предложении объективной действительности».

тельности. При этом говорящее лицо, прежде всего, определяет модальное значение высказывания, затем использует языковые средства, отбираемые по законам конкретного национального языка, регламентируемые синтагматическими, прагматическими и семантическими отношениями в структуре предложения. А суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как он относится к действительности. Отсюда правомерность выделения особой статьей роли говорящего лица оправдана» [Джусаев, 2000, с. 71].

Все сказанное выше можно полностью отнести к авторам текстов по уйгурскому языку. Художник представляет нам кусочек объективной действительности, который имел или будет иметь место в прошлом, настоящем или будущем. Каким бы беспристрастным ни был писатель, из повествования мы можем составить себе картину субъективно-личностного отношения автора к происходящему, его симпатии и антипатии, пристрастия, чувства и переживания. Именно имплицитное присутствие автора усиливает эффект и воздействие данного описания на читателя.

«Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов, 1971, с. 118].

При чтении художественного текста, с одной стороны, перед читателями предстает реальная фабула произведения. С другой – нам кажется, что авторские образы, вновь и вновь оживая, дополняются новыми деталями и гранями. Думается, что именно в этом заключается тот феномен, что автор по-настоящему художественного произведения продолжает жить среди нас и говорить, что называется, сквозь века [Абдуллаев, 2015 б, с. 79]. Поэтому А.С. Пушкин был прав, когда писал, что к его нерукотворному памятнику «не зарастет народная тропа». Здесь мы подошли к важному, на наш взгляд, моменту, когда необходимо четко провести линию водораздела между автором как конкретной личностью

в уйгурской и / или мировой литературе и автором конкретных произведений, которые мы читаем. Это разные вещи, разные понятия в силу воздействия на читателя категории текстовой модальности. Автор для нас тоже является своеобразным образом. Это формирующийся в нашем сознании образ того человека, который написал то или иное произведение, который повествует и излагает его содержание и, что важно для нас, выражает свое отношение к этому повествованию. Этот образ возникает в представлении читателя-реципиента, и это «мой» и только «мой» автор. Следовательно, при чтении мы познаем и воспринимаем не только художественные образы, сюжет и систему персонажей, но и образ автора и его отношение к содержанию произведения.

Исследования по синтаксису уйгурского языка обращаются в основном к предложению как к объекту изучения [Абдуллаев, 2015 а, с. 72]. Однако наблюдения над уйгурским материалом позволяют заключить, что наряду со сказанным относительно авторской и читательской индивидуальности в плане текстовой модальности в языке существует особая гипермодальность, к достижению которой стремятся другие языковые средства и способы. Обратимся к примерам.

В рассказе талантливого уйгурского писателя З. Сабира «Еһ, топилик йол» («Эх, пыльная дорога») [Сабир, 1989] текстовая модальность выражается через посредство концепта *муң* – «светлая грусть, тоска». В последнее время концепт *муң* в уйгурском мировосприятии выдвигается в число несомненно ключевых. Термин «концепт» стал активно употребляться в контексте когнитивной лингвистики и лингвокультурологии с конца 1990-х гг. Это объясняется необходимостью введения в терминологический аппарат данных наук термина, который способствует лучшему изучению ассоциативно-образных оценок и представлений носителя определенной лингвокультуры.

Концепт *муң*, являясь специфическим для уйгурской лингвокультуры, практически неперевожимый на другие языки, причисляется нами к числу безэквивалентной лексики. В настоящее время становится очевидным, что он наиболее адекватно передает уйгурскую картину мира. Согласно основным положениям теории концепта, уйгурский концепт *муң*, не имея

четкой структуры, жестких очертаний и границ, существует для определения картины мира носителей уйгурской культуры. Репрезентант данного концепта имеет древнетюркский корень.

В «Древнетюркском словаре» зафиксированы следующие лексемы: *bun* печаль, скорбь, страдание, тягость; *bunad-* огорчаться, печалиться, быть озабоченным; *munad-*: 1) нуждаться, иметь потребность в чем-либо; сетовать, печалиться; 2) удивляться, изумляться, поражаться; *bunsiz* безграничный, безмерный; *buijsuz*: 1) беззаботный, беспечальный, без печали, без горя; 2) безграничный, безмерный, неограниченный; *murjsuz*: 1) без забот; не ведающий забот, тягот, страданий, *murjsuz taqsiz* парн. без тягот, без забот; 2) имя собственное; *bunadiciX*, *munadquluf* удивительный, поразительный; поражающий воображение; волнующий; изумительный; *munadmaq* изумление; *munaStur-* побудит. от *muna-*; *munyad* испытывать затруднения, тяготы; сетовать, печалиться; *munluu*: 1) отягощенный заботами, подверженный бедам, испытывающий нужду; 2) печальный, жалкий, немощный; *munlufun* в страданиях, будучи отягощен страданиями; *murjqar-* причинять страдание, горе; притеснять, мучить; *murjqul* неразумный, глупый; *munuq-* испытывать тяготы, бедствия; страдать [Древнетюркский словарь, 1969, с. 124–351]. Очевидно, основой номинации всех вышеприведенных лексем является древнетюркская *bun*, которая почти совпадает с современной интерпретацией.

При обращении к художественным текстам на уйгурском языке можно сказать, что концепт *muң* выступает как «текстовый» интегрирующий художественный концепт, безгранично вбирающий в себя национально окрашенную субъективную экспрессию. Настоящее художественное произведение в уйгурской лингвоэтнокультуре, на наш взгляд, должно передавать *muң* как состояние души и индикатор художественности. В этом смысле он отличается мегакультурной нагрузкой и квалифицируется нами как гипермодальное.

Рассказ З. Сабира «Eh, топилик йол» в контексте текстовой модальности во многих отношениях симптоматичен. В образе автора явно ощущается модальное отношение к содержанию повествования по типу философского *muң*. Не вдаваясь в подробное описание вер-

бальной репрезентации этого феномена, отметим мастерское использование лексического материала. В конце повествования, отличающегося захватывающим сюжетом и психологизмом, автор лексически прямо указывает на релевантность рассматриваемого концепта для человеческой психологии.

Рассказ повествует о молодой женщине по имени Гулайшам, вышедшей по расчету замуж за состоятельного дехкана Розакбая, старше ее по возрасту. Поддавшись уговорам своего бывшего любовника, она решается бежать, прихватив денежные чеки мужа. Преступная парочка, однако, была схвачена; любовник при этом проявил дьявольское вероломство. Он открестился от всего, выставив инициатором и виновницей Гулайшам. Она не стала оправдываться, поняв, какую огромную ошибку совершила. Однако ее муж, проявив благородство, приехал за ней и позвал ее обратно. В самом начале их семейной жизни, когда они в первый раз направлялись домой, она ожидала, что они поедут на каком-либо транспорте. Но экономный дехканин попросил ее пойти пешком. Чем же заканчивается рассказ? Провинившаяся и испытывавшая душевные муки главная героиня теперь, в свою очередь, отвечает отказом на предложение мужа возвращаться домой на транспорте и предлагает... пройтись пешком, мотивируя необходимостью излить душу: *muңдашқач*.

Перед нами глагольная основа *muңдаш-*, образованная от существительного *muң* при помощи аффикса *-даш*. Выбранная деепричастная форма глагола на *-гач* отмечается во многих тюркских языках, где она выражает действие, предшествующее во времени другому действию. Своеобразие уйгурского языка усматривается в том, что данная глагольная инфинитная форма передает идею совместности и параллельности действия относительно другого действия: «идти, делаясь сокровенным, открываясь в духовном плане друг другу». Обратимся к тексту:

Гулайшәм Розакбайниң сегиниши, муһаббәт ялқунлап турған көзлиригә қариди. Униң қалбиниң чоңқур йеридә сәддә деханга бир хил йеңи туйғу пәйда болди. Гулайшәм тунжи қетим көрүватқандәк бовайға қариди. Бовайниң ялғуз бурнила әмәс, һәммила йери Гулайшәмгә чирайлиқ көрүнди.

– Сизни дэп ат-һарву қилдим, содилириңизни толук алдим. Тоң чиқиридиган машина алдим, ажилишкэ огул Қашқаргэ кэтти. Қени, һарвуңа чиқиң.

Гүлайшэм йэргэ қариди. У һазир ялиңаяқ еди.

– Пиядэ кетили.

– Немишкэ?

– Муңдашқач.

Гүлайшэм шундақ дедидэ, ялиңаяқ путлири билэн йеза йолиниң юмишқ тописини дэссиди.

Еһ, топилиқ йол, Гүлайшэмгэ паяндаз бол!
[Сабир, 1989, с. 129].

Гульайшам посмотрела в соскучившиеся глаза Розакбая, искрившиеся любовью. В глубине ее души проснулось какое-то новое чувство по отношению к простому дехканину. Гульайшам посмотрела на бовая-аксакала, как будто увидела его в первый раз. Не только его нос, но и все лицо показались ей красивыми.

– Я нанял тарантас для Вас, разрешил все Ваши долговые проблемы. Купил морозильный агрегат. Сын поехал за ним в Кашгар. Садитесь, пожалуйста, поехали.

Гульайшам опустила глаза. Она была без обуви.

– Давайте пойдём пешком.

– Почему?

– [Так лучше возвращаться] Общайся.

Гульайшам произнесла эти слова и ступила босыми ногами на мягкую пыль сельской дороги.

Эх, пыльная дорога, стань ковром для Гульайшам! (Перевод наш. – С.А.).

Модальность – это категория, охватывающая всю ткань речи [Виноградов, 1975, с. 63], и только при учете функционирования модальности в речи, в коммуникации, высшей единицей которой является текст, возможен ее адекватный семантический анализ. В том случае, когда модальность выносится за пределы предложения на уровень текста, происходит трансформация прагматики самой категории: на передний план выносится сам акт коммуникации, т. е. отношения между автором (говорящим) и читателем (реципиентом). Текстовая модальность – это прежде всего выражение различного рода отношения автора к содержанию текста. Так, в повести Хизмета Абдуллина «Көчкэн юлгуз» авторское модальное отношение выражено в стихотворной форме:

Мэнму адэм – инсан роһи бар бир тән,

Муһаббат вэ һасрэт маңа ят эмэс.

Мениң тәңрим – туғулған жут – Вәтән,
Мунда сөйүш, өлүшиму һәм – муққәддәс!

[Абдуллин, 1984, с. 203].

Я тоже человек – существо с душой человека.

Мне не чужды любовь и печаль.

Моя святыня – Родина, Отчизна,

Здесь святы и любовь и смерть.

(Перевод наш. – С.А.).

Автор вкладывает приведенные строки в уста главного персонажа – поэта Лутфуллы в беседе с другим персонажем – Камбарниссой. Здесь отчетливо выражено авторское отношение к самому любимому поэту уйгурского народа – Лутфулле Муталлипу.

Модальность как текстовую категорию специально обозначил И.Р. Гальперин [1981]. Он представил сущность категории модальности текста через ряд признаков: в тексте носит не грамматический, а функционально-семантический характер, в силу своей объективной природы. Она проявляется неравномерно в разных фрагментах текста и выражается через характеристику героев, распределение отрезков текста, актуализацию отдельных частей текста и т.д. На формирование текстовой модальности существенно влияют экстралингвистические факторы – объект изображения, личность автора, особенности его мировосприятия и др. Действительно, в тексте выделяются фрагменты, несущие сконцентрированный модальный смысл. Обратимся к упомянутой повести Х. Абдуллина:

Дуниядики дәһиәтлик һадисиләрниң бири қарангулуқ. Қайси хан яки ваң, қайси султан яки бәг тәрипидин, қайси дәвирдә селингаглиги намәлум, амма йәр үстидики һәр қандақ һәрбий истиһкамлардинму пухта ясалған зиндан катигиниң таи тамлири, лим ягач торуси билән теги, төмүр қапланған ишиклири - буларниң барлиги қап-қараңғу болуп, миңларчә жилниң димиқтирилигини жигип қисип турғандәк. Әшу төмүр қапланған ишикниң төписидики хәнжәр қовургилиқ пәнжирдин чүшүп турған бехил йорукму аллиқачан йоқап, йәнә түп тәң қараңғу басти. Зәй нуриги Лутфуллинаң демини қисип, бешини қайдуруп, көңлини айландурушқа башилиди [Абдуллин, 1984, с. 216]. Тьма является одной из страшных вещей на земле. Каменные стены, потолок и пол, железные двери – все это, словно собравшись в единую тысячет-

нюю темную силу, как будто давило. Давно исчезли проблески света, пробивавшиеся над железной дверью, и снова навалилась крошечная тьма. Запах сырости сдавил дыхание Лутфуллы, и он почувствовал приступы головокружения и тошноты» (Перевод наш – С.А.).

Автор выражает свое отношение к герою как к борцу с социальной несправедливостью, олицетворяющей тьму. Антитеза тьме – идея светлой свободы:

*Үмүт парлақ, жыллар егир,
Мәнзил давамлик сәпәрдә.
Душмән окопи һәр қәдәмдә,
Тосақ симлар һәр йәрдә.*

*Алда дәрия... алда өткүл,
Алда қистаң - тар йоллар.
Алда күрәш - тәврәш пүткүл,
Алга галип гаң жыллар...*

*Қәсәм шу төмүр қәсәм
Әзиз Вәтән - Анига
Чекинмәймиз бир қәдәм,
Боялсақму биз қанга.*

*Күрәш татлиқ, номус аччиқ,
Йеңиш қайнақ күрәшитә.
Күрәш қайними өркәшилә,
Йеңиш алдида тәврәшитә!.. [Там же, с. 206].*

*Надежда светла, годы тяжелы,
Цель постоянна в движеньи-пути.
Окопы врага на каждом шагу,
Колючей заграды тянутся нити.*

*Впереди река... впереди проход,
Сзади преграда – узкий путь.
Впереди борьба – устремлений полет,
Вперед улетает время пусть...*

*Клянемся железной клятвой
Милой Родине словно матери.
Не отступимся мы ни на шаг,
Хоть потонем мы в крови.*

*Борьба сладка, честь горька,
Победа ждет в схватке этой.
Вздымайся, вулкан борьбы
На гребне перед победой!*

(Перевод наш. – С.А.).

В приведенном стихотворном тексте практически выражено творческое и жизненное кредо главного персонажа повести – поэта, который стал трибуном и певцом общечеловеческих идей свободы как высшей ценности. Текстовая модальность здесь ориентирована на экспликацию концепта свободы.

Отношение пишущего к действительности, постулируемое как основной признак модальности, характерно для всякого высказывания. В.В. Виноградов считал модальность существенным конструктивным признаком любого предложения и потому присущим любому предложению [Виноградов, 1975, с. 55]. В текстах художественного произведения модальность часто проступает через релятивные отрезки повествования. Авторское субъективно-оценочное отношение к описываемому предмету часто не раскрывает сущности явления, дает лишь представление о мироощущении писателя. Поэтому текстовая модальность чаще всего находит себе место именно в релятивных отрезках. Она играет значительную роль в понимании содержательно-концептуальной информации текста. Существует много авторских приемов выражения модальности. Например, повторяя один из стилистических приемов в его разнообразном лексическом наполнении, автор сознательно или бессознательно характеризует какое-либо событие, явление, персонаж, а также раскрывает свое к ним отношение. Эпитет как средство модальности в тексте играет достаточно незначительную роль. Он характеризует лишь тот предмет, к которому он относится. В художественном тексте эпитет не всегда соответствует своему содержанию. Но в широком контексте он становится выразителем модальности. Подобными «сквозными» эпитетами в повести Х. Абдуллина «Талланған эсерләр» [1984] являются «шаир Лютүн», «шаир бурадәр», в романе Жамалидина Босакова «Көч-көч» [1986] – «жүт атиси», «хәлик долқуни», «халайиқ», в повести Шаима Шаваяева «Йоқалған қәләм» [1984] – «устаз», «муәллим» и др.

Гипермодальность в уйгурском языке инкорпорирует в себя множество форм выражения объективной и субъективной модальности. Это может быть, в частности, объективная реальная модальность, например:

Сажидәм этигән туруп кәтти. У мәктәпкә дегән қаралидә кәлди [Шаваев, 1984, с. 77] «Сажидәм встала рано. Она пришла в школу в назначенное время» (перевод наш – С.А.).

Или субъективная модальность категорической достоверности сообщения:

Әлвәттә, бизму хәлиқ мәнпийитини көзләш

алий вәзипә дәп чүшинимиз [Босаков, 1986, с. 43] «Несомненно, и мы понимаем интересы народа как высшую задачу» (перевод наш. – С.А.).

В относительно систематизированном виде это можно показать при помощи таблицы, примеры в которой ограничиваются уровнем отдельного предложения.

Модальность в уйгурском языке

Значения функционально-семантического поля	Формы выражения	Примеры
Объективная модальность – оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / ирреальности		
Ирреальная	1. Повелительное наклонение. 2. Желательное наклонение. 3. Предостерегательное наклонение	1. <i>Китапни оқуп чик.</i> – Прочитай книгу. 2. <i>Бала китапни оқуп чиқсун.</i> – Пусть ребенок прочитает книгу. 3. <i>Китапни мүддәттин бурунла оқувәтмисиңиз еди.</i> – Как бы вы заранее книгу не прочитали
Потенциальная	1. Будущее время. 2. Конструкции с предикативами	1. <i>Мән китапни оқуймән.</i> – Я буду читать книгу. 2. <i>Бу китапни оқуп чиқиш керәк (оқугулук).</i> – Надо прочитать эту книгу
Реальная	1. Настоящее неактуальное время. 2. Прошедшее время. 3. Настоящее актуальное время	1. <i>Һәр күни китапни оқуйду.</i> – Каждый день читает книгу. 2. <i>Китапни оқуп чиқти.</i> – Прочитал книгу. <i>Китапни оқуган (оқуди).</i> – Читал книгу. <i>Китапни оқуп түгәтти.</i> – Уже прочитал книгу. 3. <i>Китапни оқуватиду.</i> – Сейчас читает книгу

Субъективная модальность – оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения степени реальности		
Категорическая достоверность сообщения	<p>1. Модальные слова.</p> <p>2. Синтаксические и аналитические формы частиц.</p> <p>3. Аналитические конструкции</p>	<p>1. <i>Китапни чоқум оқуп чиқиду.</i> – Книгу обязательно прочитает.</p> <p>2. <i>Китапни оқуп чиқтигу.</i> – Он же прочитал книгу. <i>Әлвәттә, оқуп чиқисиләр.</i> – Конечно (же), вы читаете.</p> <p>3. <i>Әу китапни оқуп чиққан.</i> – Он прочитал ту книгу</p>
Проблематическая достоверность сообщения	<p>1. Сочетания модальных предикативов и модальных глаголов с причастиями и финитными формами глаголов.</p> <p>2. Аналитические сочетания вспомогательных глаголов с различными формами основного глагола.</p> <p>3. Сочетания модальных частиц</p>	<p>1. <i>Китапни оқуп чиқса керәк.</i> – Видимо, прочитал книгу.</p> <p>2. <i>Бәлким, китап оқуп жүрсә керәк (оқугудәк).</i> – Возможно, он и почитывает (читает) книгу.</p> <p>3. <i>Китап оқуп чиқиши натайин.</i> – Вряд ли он прочитал книгу</p>
Дополнительные формы субъективной модальности		
Эмоциональная оценочная модальность	<p>Оценочность, модальность, эмоциональность, экспрессивность, приводящие к пониманию оценочности как модусной категории.</p> <p>Эмоции не входят в число доминирующих субъективных модальных значений. Эмоции и модальность имеют одинаковые грани соприкосновения. Чувства возникают в результате знаний о событии, которые для субъекта при желательности, сожаление при нежелательности, т.е. языковая выраженность эмоций – это вторичный феномен, основанный на осмыслении</p>	<p><i>Бу нимә дигән гәп!</i> – Что ты за слова говоришь!</p> <p><i>Нимә дәватисән!</i> – Да что ты говоришь!</p>

<p>Утверждение-отрицание</p>	<p>Утверждение, связанное с реальностью, достоверностью. Отрицание объективно показывает отсутствие связи между предметом и предцируемым признаком, но в узуальном (основном) значении и отношение к этому факту – субъективное отрицание. Причем утверждение из множества выбирает одно возможное, отрицание исключает одно, а остальные возможны</p>	<p><i>Оқузили болмайду.</i> – Не надо читать (запрет). <i>Бу китапни оқумисаң еди.</i> – Ты не читай эту книгу (просьба)</p>
<p>Субъективная возможность</p>	<p>Субъективная возможность, возникающая из ограниченности знаний говорящего, выражающая через различные формы вводно-модальных образований</p>	<p><i>Ким билиду, балки китап оқупму жүрсә керәк.</i> – Кто знает, может, он и читает книгу (и).</p>
<p>Желательность – нежелательность</p>	<p>Значение желательности-нежелательности (кроме ирреальной и потенциальной): а) повелительно-желательное наклонение; б) вводные элементы</p>	<p>а) <i>оқуса еди кашки.</i> – Хотя бы прочел; б) <i>бахтимизгә</i> – на наше счастье; <i>бахткә яриша</i> – к счастью; <i>эпсуски</i> – к моему несчастью. <i>Бахтимизгә яриша, китапни оқуп чиқти.</i> – На наше счастье, он прочитал книгу</p>
<p>Коммуникативные типы предложений</p>	<p>Коммуникативные типы высказывания, связанные с речевыми актами, случай, когда тип предложения образуется без привлечения наклонения</p>	<p><i>Оқумақ дегән қандақ.</i> – Вот что значит читать. <i>Амал йоқ!</i> – Делать нечего (надо соглашаться)</p>

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что функционально-семантическая категория модальности в современном уйгурском языке имманентно ориентирована на коммуникативно-синтаксический уровень языка. Способы ее репрезентации образуют в уйгурском языке систему, в центре которой находятся модальные модификации простого предложения [Абдуллаев, 1990]. Они изучаются в связи с

вопросами парадигматики простого предложения [Абдуллаев, Абдуллаева, 2014, с. 39]. Другим способом выражения модальных значений выступают вспомогательные глаголы, модальные частицы и модальные слова [Һазирки ..., 1966, с. 273], которые вместе с модальными модификациями предложения в конечном итоге служат цели передачи гипермодальности на уровне текста.

Литература

Абдуллаев С.Н. Модальные модификации простого предложения в уйгурском языке // Системность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1990. – С. 90–95.

Абдуллаев С.Н. Динамика становления коммуникативно-синтаксических исследований по уйгурскому языку // Сибирский филологический журнал. – 2015 а. – № 2. – С. 71–75.

Абдуллаев С.Н. Метаморфозы творческого духа (К вопросу об «образе автора» на примере творчества Л. Муталлипа) // Вестник Исык-Кульского университета. – 2015 б. – № 40. – С. 77–81.

Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – № 2 (22). – С. 38–40.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 278 с.

Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – С. 191.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избр. труды. – М., 1975. – С. 53–87.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

Джусаев Дж. Дж. Категория модальности и средства ее выражения в современном кыргызском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Бишкек, 2000. – 49 с.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 124.

Абдуллин Г. Талланган эсэрләр. Иккинчи том. – Алмута: Жазушы, 1984. – Т. 2. – 432 б.

Босақов Ж. Көч-көч. – Алмута: Жазушы, 1986. – 256 б.

Сабир З. Ен, топилик йол // Пәрваз (литературно-художественный альманах). – Алма-ата, 1989. – № 1. – С. 129.

Строй уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 472 с.

Назирки заман уйғур тили. 2 Қисим. Морфология вэ синтаксис. – Алмута: Наука, 1966. – 456 б.

Шаваев Ш. Йоқалған кәләм. – Алмута: Жазушы, 1984. – 168 б.

S.N. Abdullaev

Hyper-Modal Load of the Concept of Mun in Uyghur Linguistic Culture

The article uses the term hyper-modality based on the material of the Uyghur language. The author promotes the position that all means of expression of the modal field in the Uighur language are focused on the explication of hyper-modality of the supra-phrasal level. At the center of this system there are modal modifications of a simple sentence. In the side of the periphery there are lexical means-modal words and particles. The specific concept of mung "light sadness, melancholy" is characterized by a mega-cultural load in the aspect of textual modality. This lexeme is one of the untranslatable lexical units. The expression of this concept is an indicator of the real artistry of the text. In this case, the image of the author turns into a separate image for the recipient of text information. Textual modality is most often expressed in relational segments. The concept of mung "light sadness, longing" is in contact with the cultural code of the Uyghur people.

Keywords: text, modality, concept of mun, hyper-modality, artistry, modality system, author's image, recipient, non-equivalent vocabulary